

А.А. Хадынская

СЕВЕРНЫЙ КОСМИЗМ ЮВАНА ШЕСТАЛОВА

Аннотация. В статье рассматривается творчество Ювана Шесталова, классика мансийской литературы, через призму традиций русского космизма, имевшего серьезное влияние на идейную структуру русской поэзии начала XX века. Делается вывод о типологическом сходстве установок русских космистов, провозгласивших мысль о важнейшей роли человека в достижении мировой гармонии и его мощной преобразующей энергии, и учения Шесталова о космическом и планетарном сознании, призванном спасти и сохранить духовную общность человека и природы. Мифологическая составляющая становится в зрелом творчестве поэта философской категорией, выявляющей его позицию творца и хранителя национальных традиций.

Ключевые слова: Юван Шесталов, мансийская литература, русский космизм, мифологическая картина мира, фольклорные традиции.

Для цитирования: Хадынская А.А. Северный космизм Ювана Шесталова // Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 3 (11). С. 21–34. DOI 10.26105/PBSSPU.2022.34.30.007

A.A. Khadynskaya

NORTHERN COSMISM OF YUVAN SHESTALOV

Abstract. The aim of the article is to consider the work of Yuvan Shestalov, a Mansi literature classic. His works are taken into consideration through the prism of the Russian cosmism traditions, which had a serious influence on the ideological structure of the early 20th century Russian poetry. As a result it is concluded that there is a typological similarity between the attitudes of Russian cosmists, who proclaimed the idea of the most important role of man in achieving the world harmony and his powerful transformative energy, and Shestalov's doctrine of cosmic and planetary consciousness, designed to save and preserve the spiritual community of man and nature. In the poet's late works, the mythological component becomes a philosophical category, revealing his position as the creator and guardian of national traditions.

Keywords: Yuvan Shestalov, Mansi literature, Russian cosmism, the world mythological picture, folklore traditions.

For citation: Khadynskaya A.A. (2022). Northern cosmism of Yuvan Shestalov. *Philology Bulletin of Surgut State Pedagogical University*, 3 (11), 21–34. DOI 10.26105/PBSSPU.2022.34.30.007 (In Russian).

Введение

Творчество Ювана Шесталова (1937–2011), мансийского поэта, сейчас находится в авангарде научного интереса североведов, привлекая исследователей своей нестандартностью, абсолютной и несомненной оригинальностью, резко выделяющей его из ряда югорских поэтов и писателей. Будучи плоть от плоти своего народа, Шесталов, пожалуй, как никто, шагнул в современность, не порывая связи со своим мифоло-

гическим мировидением. Мироздание, Космос, Вселенная и человек в них – главные темы поэта, особенно в позднем его творчестве. С нашей точки зрения, наследие Шесталова вполне можно вписать в большую традицию русского космизма, имеющую широкое поле культурного воздействия и во многом определившую лицо отечественной философской поэзии на рубеже XIX и XX века.

Русский космизм, по определению Анастасии Гачевой, явился «течением русской философской и научной мысли второй половины XIX–XX веков, представляющим собой один из оригинальных вариантов мирового космизма» [3, с. 3]. В монографии упомянутого ученого излагается история этого поистине уникального философского и культурного течения от самых его истоков. Его представители исходили из тезиса о неразрывной связи человека и Космоса и явили собой пример подлинного диалога научного и религиозного познания мира, по традиции противопоставленного и, казалось бы, не имевшего шансов сойтись в генеральных позициях.

Первый «русский космист», Николай Федоров, изложил свои идеи в труде «Философия общего дела», значение которого трудно переоценить для развития всей отечественной «космической» мысли, так как он поставил перед человечеством идею «активного подхода к реальности», «проектирования будущего», писал о жизни человека как о «творческом плане», реализация которого поможет преодолеть смерть [17].

Русский космизм, таким образом, проявил себя в двух развившихся идеях – христианском космизме и научном представлении об устройстве миропорядка, причем они не противоречат друг другу по своему основному содержанию, хотя и приходят к сходному представлению о мироздании разными путями.

А. Гачева пишет о ряде неразрывно связанных идей космизма, на которых зиждется это течение. Первая из них – идея «активной эволюции», в которой мысль о Божественном творении мира сходится с утверждением о непрерывной эволюции человека как биологического вида, что можно именовать «идеей продолжающегося творения» [3, с. 23], именно она преодолевает хаос и позволяет сопротивляться мировой энтропии. О неожиданной общности христианского и эволюционного представления о мире писал и П. Тейяр де Шарден, западноевропейский духовный собрат русских космистов, акцентируя внимание на том, что «с точки зрения основного видения мира <...> эволюционизм и христианство, в сущности, совпадают» [16, с. 200]. Эту же мысль утверждал и русский религиозный философ В.С. Соловьев, называя человека «деятелем мирового процесса» [14, с. 391]. Н.А. Бердяев, продолжая идеи Соловьева, говорит о человеке как о создателе «нового неба и новой земли» [1, с. 145], то есть, уподобляясь Богу, как гласит Писание («по образу и подобию»), он активен в этом процессе.

Отсюда проистекает и вторая идея русского космизма – «активное христианство», то есть, словами А. Гачевой, характеризующей идеи Н.Ф. Федорова, «переход от богословия к богодействию», то есть «к реальному осуществлению того совершенного строя мира, который дан в Троице» [3, с. 30]. Этим, по мысли русских космистов, можно реально воскресить

всех мертвых и приблизить день Второго Пришествия. Активная природа человека есть реализация его как богоподобного существа и доказывает мысль о «сотрудничестве» с Творцом.

Третьей идеей космизма стал идеал ноосферы. В.И. Вернадский, разрабатывая свою известную концепцию биосферы, определил ноосферу как разумную часть первой, ибо она организована человеческой мыслью; ученый считал ноосферу последним состоянием эволюции, поэтому человек в данной концепции считался «крупнейшей геологической силой» [2]. Научным установкам Вернадского вторит Н.Ф. Федоров, назвавший человека «космизатором творения, разумно-творческим управителем мира», а не «насильником, не узурпатором природы», потому что «эксплуатирующий принцип отношения человека к природному целому оборачивается искажением собственного его образа, дефектной антропологией, когда человек из спасителя и старшего брата природы превращается в ее губителя и разорителя, фактически отрекается от своей главной задачи – служить сохранению и приумножению жизни» [3, с. 48].

Идеи Федорова были поддержаны и развиты в трудах русского философа-эмигранта Н.А. Сетницкого, который назвал человека главным «паразитом земли, паразитом природы и космоса», указывал на губительное воздействие его на окружающую среду и обвинял в усугублении энтропийных процессов в самой природе [13]. Размышляя с точки зрения естественных наук и видя в этом экологическую проблему, ученый, тем не менее, предлагает выход из сложившейся ситуации вполне в духе русского космизма – регуляции человеком своей деятельности, разумном отношении к миру, учете общности среды и ее гибельности для всех в случае перехода человеком последней черты. Этот природный симбиоз соотносим с русской идеей соборности, ратующей за отношение к миру как к общему Божьему Дому, который надлежит беречь во имя общего блага. Подобное сотрудничество приведет к подлинному осознанию человеком своего богоподобия и связанной с ним ответственности за сотворенный мир.

Для Н.Ф. Федорова путь осознанного отношения к миру природы лежал в «реверсивном пути» к своим предкам, в возвращении к их опыту, чтобы воскресить своих предшественников при наступлении Второго Пришествия, то есть в «исследовании сынами самих себя в отцах, отцами – в сынах, узнавание братьями себя в близких и дальних своих братьях» [17, с. 270], что приведет к появлению у человечества особого качества, которое философ именовал «душезрением».

Мир, данный человеку Богом, движим, как известно, Любовью – понятием значительно более широким в русской религиозной философии, чем отношение между полами. Русские космисты понимали ее как «этику преображенного Эроса», то есть примат был не у половой любви, а у родительской и сыновнедочерней, «повернутой в прошлое», к собственным предкам, что согласуется с вышеупомянутой идеей Федорова. Именно эта Любовь дает человеку силы творчески преобразовывать природу и одновременно беречь ее как данную предками для преумножения и сохранения.

Для русских космистов первостепенной была задача показать неразрывную связь Человека и Космоса, то несомненное влияние, которое своей деятельностью человек оказывает на Вселенную, и научное знание должно будет помочь людям понять самих себя как активных субъектов и творчески преобразить действительность.

Культура является одним из способов преодоления бессмертия, в дальнейшем же, по мысли космистов, преобразование природного порядка приведет мир в новое состояние, когда исчезнет вражда и борьба и случится истинная победа над смертью.

Н.Ф. Федоров указывал на уже пройденный человечеством опыт преодоления смерти в народной культуре, в которой герои всегда искали «страну отцов». Он, по точному замечанию А. Гачевой, указывал, что «народная, неученая история, выражающая себя в мифе, легенде, предании, движима тем же воскресительным импульсом. Она аксиологична, она обращает факт в символ, ищет сокровенное значение реальных, внешних событий» [3, с. 68].

Если обратиться к творчеству Ювана Шесталова, то его мировоззрение имеет много общего с идеями русского космизма в части отношения к человеку как к преобразующей силе, активному представителю ноосферы и, вместе с тем, укорененному в Природе, ощущающему свое кровное родство с ней. Осознанно, как об эстетической программе, Шесталов не заявлял о своем следовании русскому космизму, но типологическое сходство, на наш взгляд, наблюдается, в силу того что очевидна общность идей этого философского течения и установок самого поэта, стремящегося своим Словом скрепить Человека и Космос, доказать их органическую связь. В его желании преобразовать Вселенную видится федоровская мысль о «человеке-космизаторе», своей активностью двигаящем человека за пределы отведенных ему рамок, осуществляющем миссию по скреплению его союза с Природой. Можно заметить, что Шесталов не был глух к современности, наоборот, в его творчестве она настойчиво заявляет о себе, но всегда в нерасторжимой связи с прошлым его народа, именно в этом и видится глубоко укорененное мифологическое мировидение мансийского автора.

Цель

Целью статьи стало выявление особенностей мифологического мировидения Ювана Шесталова, роднящего его как поэта с идеями русского космизма, определение преемственности данной темы на уровне поэтики с точки зрения отражения в творчестве поэта характерных для русского космизма тем и идей.

Материалы и методы

Материалом для статьи послужило 5-томное собрание сочинений Ювана Шесталова, выпущенное в 1997 году в Санкт-Петербурге к его 60-летию – самое представительное на сегодняшний день издание творческого наследия мансийского поэта [21].

При анализе текстов Ю. Шесталова использовался комплексный подход в изучении как прозаических, так и поэтических произведений, с учетом специфики мифологического мировидения автора: герменевти-

ческий анализ вкупе с историко-биографическими сведениями продемонстрировали глубину и самобытность художественного мира классика мансийской литературы.

Результаты и обсуждение результатов исследования

По точному замечанию С.С. Динисламовой, посвятившей немало исследований творчеству Ювана Шесталова, он был «человеком традиционной культуры, с младенчества воспитанным в мире фольклора, мифологии, обрядности и ритуалов, он знаком с устным народным творчеством не на уровне читательской рецепции, его психология, ценностные ориентации и мировоззрение были сформированы в соответствии с народными установками» [4, с. 47]. Мифологическая картина мира у поэта в разные периоды его творчества обогащалась разнообразными вариациями, но всегда неизменно сохраняла свое главное качество – восприятие Мира и Человека в их неразрывной связи. Его герой природен в самом прямом смысле этого слова, он ощущает себя частью Космоса и чутко реагирует на все тревожные изменения этой исходной «равновключенности». В его прозаических и поэтических текстах читатель видит стихию народной поэзии во всем многообразии жанров, тропов и образов.

В статье «Проблема периодизации творчества Ювана Шесталова» С.С. Динисламова указывает, что мифологическое сознание было у поэта доминирующим на всех этапах его творческой деятельности, но особенным в творческой эволюции автора оказывается последний период, после 1990-х годов: произведения этого времени, по словам исследователя, особые и «объединены темой космического сознания» [6]. В этот период Шесталов задумал осуществить перевод всех известных мансийских сказаний, которые он воспринимал как единый текст, так как пришел к идее человека, преображающего Космос.

Известно, что в мансийской мифологии отражено трехчастное строение Вселенной, где Верхний мир занимают верховные боги, Средний является обиталищем человека, а Нижний населен злыми духами. Герой Шесталова словно преодолевает эти среды, являя свою необычайную активность и собственные фантастические возможности: «Я лечу! Я сын крылатый / Сказочных лесов» [22, с. 217].

Словно реализуя несостоявшуюся встречу двух ветвей русского космизма, научной и религиозной, Шесталов демонстрирует величие мифологического (верующего!) человека, с радостью встретившего научные достижения XX века. В стихотворении «Я – человек» он пишет:

Реки холодные вспять поверну я,
Чтоб гидростанция тёплым дыханьем
Грела сибирскую землю родную,
Чтобы в таёжной нахмуренной чаще
Очи Сибири сияли от счастья [22, с. 86].

В повести «Когда качало меня солнце» мифологический план причудливо перемежается с современностью. Произведение начинается со сна, звенящего шаманским бубном, что рождает тревогу в душе героя. Сын, получив телеграмму о болезни отца, летит к нему на самолете. В его

воспоминаниях оживают отец и мать, бабушка и дедушка, он вспоминает детство, когда качало его солнце. В повести воссоздается мир мансийских верований: духи Пупыги, с их помощью Торум управляет жизнью людей и правит миром. Герой получил от своего деда амулет, летящего лебедя, образ говорящего духа: «Крылатый лебедь поможет: лебедь сильная и вещая птица. Далеко летает, куда не могут ходить мансийцы, глубоко ныряет, где не могут бывать мансийцы» [24, с. 48]. И вот он уже летит на самолете – железной крылатой птице, являя собой пример Человека – преобразователя природы: «Высоко лечу. Рядом с облаками и солнцем лечу. Время крылатое» [24, с. 55]. На принципиальную значимость мотива полета в лирической системе Шесталова указывает Д.В. Ларкович, акцентируя внимание на том, что его герой «воспринимает полёт как способ обретения высшего знания, постижения сущности бытия, приобщения к мировой гармонии. По мнению поэта, духовный полёт, доступный “озарённому” светом Истины, открывает человеку путь к самому себе, к его подлинному призванию, к смыслу его существования в мире» [10, с. 459].

Анализируя эволюцию творчества Шесталова, С.С. Динисламова подметила, что в определенный момент новым у него «становится то, что герой загадки своей культуры (шаманского слова, мифа, песни) разгадывает с помощью средств другой культуры (научного трактата, летописи, лекции), им утрачено интуитивное начало, его тесная взаимосвязь с природой» [4, с. 50]. Но, думается, речь здесь идет как раз о фиксации появления нового отношения к природе, о возможностях человека-творца, и герой порой не сразу осознает свою новую роль преобразователя природы. В повести «Тайна Сорни-Най» Сергей Лугуй прочел в газете, что чаша «Золотой бабы», оздоравливавшая воду, была из серебра. Объяснение нашлось у науки: «Стало быть, дело уже не просто в серебре, а в серебряной воде... <...> И на поверхности чаши образовывались соли и окислы серебра, которые вызывали антибактериальный эффект» [25, с. 224]. Герой ищет Золотую Богиню, которую тщетно пытались отыскать его предки несколько столетий подряд, и ее ценность явилась для него в совершенно ином качестве, объясненной с точки зрения науки, и потрясение, испытанное им, было не меньшим, чем если бы он отыскал ее.

В русском космизме чрезвычайно важна идея преодоления смерти через воскрешение предков. В мифологии манси духи предков сопровождают человека всегда и всюду, это духи-покровители, по точному указанию Е.И. Ромбандеевой, это реальные люди прошлых эпох, сделавшие значимые дела для народа: одни из них помогли осваивать земли, другие отражали врагов, спасали от голода в трудные годы. «Все заслуги далеких предков сохраняются в памяти и передаются из поколения в поколение. Чем больше мы удаляемся от эпохи, тем больше их дела и слава приукрашаются» [11, с. 75].

С. Динисламова пишет о своеобразии погребального обряда у манси, в котором «поклонение умершим можно рассматривать как часть жизни живых людей. Даже после 4–5 лет его обязательного соблюдения родственники продолжают жить в устойчивом «контакте» с умершим.

Общение идет через Небо, Пространство, Космос. Присутствие души умершего постоянно в Верхнем небе. Глубока вера в «ляххаты» – реинкарнацию. Для этого манси внимательны к своим снам, по ним они судят, чья душа умершего «возрождается» или вселяется в новорожденного. Соответственно этому строится и отношение к ребенку. К нему относятся уважительно, как к взрослому» [7, с. 10]. Таким образом, единение с предками происходит в культуре манси естественным образом, как само собой разумеющееся, мир живых и мертвых оказывается связанным неразрывно, являя собой тот идеал, о котором русские космисты только мечтали.

Еще одна идея русского космизма, идея преображенного Эроса, может быть соотнесена с рядом шесталовских женских персонажей, наделенных аккумулирующей силой земной и небесной Любви, объединяющей мир человека и природы. Один из самых известных женских образов у Шесталова, Миснэ, лесная женщина (девушка), не только помощница охотника на промысле, но и метафора родины, родной земли, и ее связь с народом манси нерасторжима: «Мое сердце родилось в сердце моей матери, Сердце моей матери родилось в сердце Миснэ, Сердце Миснэ родилось в сердце моего народа, Сердце моего народа родилось в сердце моей любимой родины» [19, с. 82]. Образ ее многолик и многозначен: она и олицетворение родины, и лесная фея-покровительница охотников, и обобщенный антропоморфный образ югорской природы: «Надевает она шубу с узорами из птиц и зверей // И блестит на солнце, как березка в изумрудном инее» [19, с. 76] (о полифункциональности образа Миснэ см. статью С.С. Динисламовой [5]).

Любовь, мыслимая космистами как преодоление власти Эроса, у Шесталова из плотской становится природной в самом прямом смысле, живущей во всех мирах, в животных и птицах. Ее он называет «болезненной магией». Когда он пишет о своей Лили (прототипом была его жена Лилия), то считает ее подарком неба, ответившего на его камлания: «Мрак и стужа обнимали меня. Во сне и наяву я грезил о тепле, как о белой ночи. Мне снилась белая ночь, как Белая женщина. Я звал её, умоляя спуститься на землю. И она пришла. В сумеречном небе моей души засияло солнце...» [23, с. 341]. Когда же Лили умерла, то осталась надежда на жизнь ее души в природе: «Грёзы мои роились в Лили, в Душе моей. Душа моя рыдала о Лили, Душе моей мамы, ушедшей в иной мир, покинувшей меня в девять лет. Но ни мороз сибирский, ни злые мирские тучи не могли лишить меня надежды, что где-то есть, должна быть Лили, Душа светлая, способная не только освятить сиротское дыхание, но и наполнить его Жизнью, Лили, Душой новой» (послание «Ты Лили, ты моя душа» (1997). [23, с. 448]). Возлюбленная оказалась причудливым образом связана у героя с матерью, и в первой он начинает искать утраченную через сиротство материнскую любовь: «По ночам мне снова снилась мама. Но она все больше принимала твой облик. И полузабытый материнский взгляд я улавливал в твоих девичьих глазах», «Белой ночью я родился. Белая ночь Тебе устроила встречу со мной» [23, с. 449]. Об этой встрече герой молил Космос, и он ответил на его просьбу: «Я грезил, рыдал стихами. Сверкал молнией слов, гремел громом рифм, заклинал.

Молился. Молился Торуму, Небу, Космосу. Через Космос можно установить не только телевизионную или телефонную связь!.. И Ты услышала меня. И однажды белая космическая ночь устроила нам встречу» [23, с. 448]. Так через современность проглядывает у Шесталова вечный Космос, и они сосуществуют в его поэтическом сознании в своей органической связи, не отрицая, но дополняя друг друга.

Свою возлюбленную герой Шесталова воспринимает как природную сущность, подаренную ему небом, противоречивую и живую, но навек связанную с ним:

Моя женщина! Ты родной кнут, Убийца!
Разрушитель моей свободы,
Мечтательница!...
Великая строительница...
Ты моё парение рук...
Мой самовозрождающийся ритуал
От утреннего чая
До вечернего колдования у телевизора!
Ты мой учитель общения... [23, с. 344].

.....

Ты говоришь: не на тебя смотрю.
Ты говоришь: других боготворю.
Я, может, впрямь покинуть мог тебя,
Моложе и пригожей полюбя.
Есть ли дом иной, где так звучат
И смех, и крики наших лебедят?
Но есть ли на земле иной очаг,
Где бы огонь не меркнул и не чах?
Без этого огня нет счастья для меня.
И лепет лебедят моих – от бед броня [23, с. 426].

В романе-камлании «Откровение Крылатого Пастора» (2007) он напишет: «Моя полувекковая Любовь к Одной, Единственной не была болезнью. Моя Любовь была здоровьем. Это, может, звучит и парадоксально! Особенно после моих последующих подвигов на ниве так называемой Любви. Но это так! Так было в той жизни. Я искренне любил. Тем более что причин к нелюбви не было. Жена моя не подавала не только каких-то проявлений неверности, но и была эталоном Верности русской женщины. Кажется, само совершенство было спущено незримым Богом моему несовершенному телу стихотворца. Стихию моей бурной природы умиряла, гармонизировала природная грация моей единственной» [20, с. 25]. Женская природа изначально гармонизирована с Космосом, именно через Женщину проходит Мужчина свой путь взросления, именно она создает его очаг, Дом, придает его жизни настоящий смысл и связывает его с Космосом, даря жизнь их детям.

Г.Н. Ионин назвал творчество Ю. Шесталова последних лет «шаманской клинописью» [9, с. 22]. В художественном континууме поэта герой перемещается между сферами, подобно камлающему шаману, в сознании которого весь мир един и не имеет пространственных и временных гра-

ниц. Он может находиться в мифологическом прошлом и технократическом настоящем одновременно, временные пласты накладываются друг на друга в его сознании, как причудливый палимпсест. В «Откровении Крылатого Пастора» Первое камлание начинается словами «Кай-о! Кай-о! Кайф!» и повествует о начале времен, о мире, рождающемся из воды: «Вода кругом. Земли не видно. На воде качается лодка, в которой я обливаюсь потом. А ведь помню, пошел в баню. То ли погреться, то ли принять омовение в шаман-чуме на берегу шаман-речки, то ли просто уйти от суеты «на Тот Свет»... В каком же свете оказался? То ли я в сауне, то ли под жарким солнцем тропиков плыву... Плыву, значит, живу» [20, с. 19]. Он еще один, подобно Адаму, и закономерно восклицает: «Где моя женщина?». Он начинает понимать, что находится в «крылатой лодке»-космическом корабле, но он невидим для других, ибо сам стал духом Самсаем (пояснение от автора: «Самсай – невидимка, дух тайный, дух «по ту сторону глаз» [20, с. 20]). Это дух Нижнего мира, то есть он в мире мертвых, поэтому не замечаем другими.

Г.Н. Ионин отмечает, что «Шесталов не боится почувствовать себя Крылатым Пастором. И в этом порыве не только вдохновение лирика. Здесь есть и религиозное нечто» [9, с. 22]. По его пониманию, писателю «недоставало емкого, всеохватного, единого мотива, в котором личное раскрылось бы как планетарное, а планетарное было бы согрето неподдельно выношенным и выстраданным. Возвращение к мифу дает поэту необходимую опору» [9, с. 22]. Крылатый Пастор, которым он себя ощущает, послан в мир, чтобы стать спасителем и охранителем человечества, он пришел с новым Откровением к людям. Г.Н. Ионин пишет, что «Шесталов вообще против вмешательства внешних сил. Опыт людей сам карает виновных и сам открывает путь исхода. Люди – природны. Их главный грех в том, что они не слышат своего Отца и – говоря словами поэта – еще не затронуты Откровением. А ведь Природа, сознающая себя, божественно откровенна. <...> Сознание природы – вокруг нас и в нас самих. И вот мы сами покараем и спасем себя» [9, с. 22]. Герой Шесталова – тот самый активный человек, спасающий мир, не дающий своему Космосу свергнуться в пучину Хаоса. Его герой – творец, преобразующий мир Словом, обладающий высоким нравственным началом.

Говоря об особенностях лирического героя у Шесталова, следует отметить, прежде всего, его самопрезентацию как активного творящего субъекта. По словам А.Н. Семенова, «шесталовский творец – это тот, кто готов буквально сразиться с “загадочным прошлым своего малого народа”, но главное – он творец говорящий, не имеющий права на молчание. Иными словами, творчество не может оставаться в замкнутом пространстве индивидуального сознания: оно требует выхода в мир людей в определённом завершённом, формализованном виде. <...> Для лирического героя Ювана Шесталова принципиально важен самый начальный момент, с которого и начинается творчество в художественном слове. <...> Слово для творца – это возможность творения, возможность воплощения “Проявленного Мира”, которого до появления творца не суще-

ствовало, а чтобы это произошло, у творца должна быть “Пламенная Жизнь”, и более того – Пламенное Слово» [12, с. 42–43]. Через Слово происходит рождение новой жизни, и в этом смысле мифологические воззрения не противоречат у Шесталова христианским идеям русского космизма, восходящим к тютчевскому пантеистическому «все во мне и я во всем»:

Возрождаюсь в новой сути,
В новой сути, в новой плоти:
Я – птенец в гнезде, я – колос,
Я – во всём... [23, с. 81].
.....
Вы узнаете
Своего поэта голос?
Я – река, я – звон ручья,
Я – дыханье хлеба,
Я –
Человек – венец творенья,
Я – моё стихотворенье [23, с. 81].

Е.В. Чепкасов утверждает, что «языческий фольклор был воспринят Ю.Н. Шесталовым в детстве как нечто сакральное (а разглашение и тем более изменение сакрального было табуировано), но впоследствии переосмыслен в качестве эстетически ценного народного творчества, т.е. культурного явления, которое можно не только доводить до всеобщего сведения, но и преобразовывать. Именно поэтому автор в своих произведениях зачастую использует мансийскую мифологию не только в сакральном прямом, но и в десакрализованном переносном значении – для метафоризации своего творчества» [18, с. 55]. Он приводит интересные примеры: «богиня огня Сорни-най внезапно оказывается нефтью (“Тайна Сорни-най”), а путешествие в Верхний мир Мирсуснэхум совершает на космическом корабле (“Огонь исцеления”), именами Сорни-най и Миснэ названы возлюбленные лирического героя (“Сорни-най”, “Ленинградская Миснэ” и др.), “Небесная Миснэ” – это отнюдь не богиня, а космонавтка Валентина Терешкова» [18, с. 55]. С нашей точки зрения, метафоры Шесталова не столько продукт разрушения мифологии, каковой она является по своей природе, сколько возвращение к ее древнему истоку – связи всего живого на земле. Для мифологически видящего мир поэта эта связь была очевидна с самого начала, он зашел в культуру с «другой стороны», он не породил метафору, а обнаружил ее как факт культуры, облекши в Слово, как это делали его предки-шаманы. Свое творчество он воспринимает как пророчество, камлание няйт – белых шаманов, заклинание, с помощью которого он ищет пути спасения Торума – Природы, видит в этом свою великую миссию Творца и хранителя культуры своего народа.

Э. Сургутскова в комментариях к биобиблиографическому указателю «Писатели Югры», размышляя о последнем периоде творчества Ювана Шесталова, приходит к выводу о его выходе к новой философии своего народа в условиях современности: «Осмысление идеи космического

и планетарного сознания – это “новое увлечение” Шесталова или начало современной философии мансийского народа, философии Природы, философии Космического сознания? Время расставит свои акценты, определит место каждого в иерархии ценностей. То, чем занимается сегодня Юван – это ново и спорно. Для Ювана Шесталова поиск новой философии – это призыв ступить на пути спасения, это «новая степень любви к миру» [15, с. 301].

На рубеже XX–XXI веков Шесталов пишет серию сочинений философского характера, во многом отличающихся от написанного ранее: «Сознание Торума, сознание природы – путь спасения», «Космическое видение мира на грани тысячелетий», «Шаманские тайны откровения слова “Русь”». Основанные на жанрах заклиний, заклинаний, камланий, эти тексты представляют главные идеи Шесталова-философа: сохранения Мира для потомков, органичная жизнь Человека и Космоса, преобразующая роль Человека во Вселенной. Человечество и Мироздание в его понимании должны слиться в единое понятие – Торум, единый бог единого мира.

Душа моя связана с Солнцем,
А Солнце – с Торумом, Космосом, Вселенной.
Разум Вселенной я чувствую через Солнце.
Через Солнце я чувствую, размышляю, живу
Как малая Космическая частица,
Как Человек Великий
В своей неповторимости... [26, с. 59].

Выводы

Шесталов предлагает свой вариант сохранения Космоса в его исконном древнегреческом понимании, то есть как Мира, где живет человек. Древний народ, познавший тайны мироздания, в лице своего Поэта, готов сегодня преподать урок гуманного и осознанного отношения к миру, видя прошлое сквозь настоящее. Он идет тем же путем, который наметил русский космизм: научное (современное) отношение к миру и опыт его религиозного познания должны сойтись в Человеке и привести его к идее спасения Космоса. Потенциальные желания русских космистов в творчестве мансийского поэта нашли неожиданный вариант реализации благодаря духовному опыту его народа, сумевшего сберечь свои традиции гуманного и бережного отношения к миру природы.

С.С. Динисламова верно подмечает, что поэт, «осознав, как обострилась в масштабах всей планеты проблема сохранения природы, призывает землян обратиться к опыту манси и других народов Севера. Эти народы приспособлены к тяжёлым условиям, так как ведут себя не как покорители природы, а как “мудрая её частица”. Бережное отношение северян к природе поддерживается сакрализацией, обожествлением, одушевлением природы» [8, с. 256]. Сам же Юван Шесталов, характеризуя воззрения своего народа с позиции современности, писал: «Мы те же манси, но только мыслим по-новому!» [28, с. 4].

Литература

1. Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1994. 508 с.
2. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2004. 573 с.
3. Гачева А. Русский космизм в идеях и лицах. М.: Академический проект, 2019. 431 с.
4. Динисламова С.С. К вопросу о мифологической проблематике в творчестве Ю. Шесталова // Вестник угроведения. 2017. № 1 (28). С. 46–57.
5. Динисламова С.С. Мифологический образ Миснэ в творчестве Ювана Шесталова // Научные исследования и разработки в эпоху глобализации: сборник статей Международной научно-практической конференции (25 ноября 2016 г., г. Пермь): в 7 ч. Ч.6. Пермь: АЭТЕРНА, 2016. С. 17–19.
6. Динисламова С.С. Проблема периодизации творчества Ювана Шесталова // Философские науки и культурология (электронное издание). 2015. № 2. С. 18–21.
7. Динисламова С.С. Религиозно-философские аспекты творчества Ювана Шесталова // Вестник Югорского государственного университета. 2009. Выпуск 1 (12). С. 9–18.
8. Динисламова С.С. Философская проблематика произведений Ювана Шесталова // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 2. С. 249–258.
9. Ионин Г.Н. Миф и новый замысел Ю. Шесталова // Литература народов Севера: сб. науч. ст. СПб.: изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. С. 20–24.
10. Ларкович Д.В. Мотив полёта в лирике Ю. Шесталова // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 3. С. 453–460.
11. Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура. Сургут: Северный дом, 1993. 116 с.
12. Семенов А.Н. Творчество и творец в лирике Ювана Шесталова // II Шесталовские чтения: Материалы международной научно-практической конференции / под ред. О.Ю. Динисламовой. Тюмень: ООО «ФОРМАТ-72», 2021. С. 41–52.
13. Сетницкий Н.А. Эксплуатация // Сетницкий Н.А. Избранные сочинения. М.: РОССПЭН, 2010. 736 с.
14. Соловьев В.С. Общий смысл искусства // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. 822 с.
15. Сургутскова Э.П. Шесталов Юван (Иван) Николаевич // Писатели Югры: биобиблиографический указатель / сост.: С.Ю. Волженина и др. Екатеринбург: Сократ, 2004. 349 с.
16. Тейяр де Шарден П. Введение в христианскую жизнь // Тейяр де Шарден П. Божественная среда. М.: Изд-во «Ренессанс»; СП «ИВО-СИД», 1992. 311 с.
17. Федоров Н.Ф. Собрание сочинений в 4 т. Т. 1. / сост. погот. текста и коммент. А.Г. Гачевой, С. Г. Семенов. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. 517 с.
18. Чепкасов Е.В. Литературные камлания как стихотворный жанр и шаманы-поэты в произведениях Ю.Н. Шесталова // II Шесталовские чтения: Материалы международной научно-практической конференции / под ред. О.Ю. Динисламовой. Тюмень: ООО «ФОРМАТ-72», 2021. С. 53–66.
19. Шесталов Ю. Миснэ. Тюмень: Книжное издательство, 1961. 94 с.
20. Шесталов Ю. Откровение Крылатого Пастора // Юван Шесталов: избранное. М.: Советский писатель, 2007. С. 17–108.
21. Шесталов Ю.Н. Собрание сочинений: в 5 т. СПб.: Ханты-Мансийск: Фонд космического сознания, 1997–1999.
22. Шесталов Ю.Н. Собрание сочинений. СПб.; Ханты-Мансийск: Фонд Космического Сознания, 1997. Т. 1. 478 с.
23. Шесталов Ю. Н. Собрание сочинений. СПб.; Ханты-Мансийск: Фонд Космического Сознания, 1997. Т. 2. 528 с.
24. Шесталов Ю. Н. Собрание сочинений. СПб.; Ханты-Мансийск: Фонд Космического Сознания, 1997. Т. 3. 528 с.
25. Шесталов Ю. Н. Собрание сочинений. СПб.; Ханты-Мансийск: Фонд Космического Сознания, 1997. Т. 5. 560 с.

26. Шесталов Ю. Сознание Торума, сознание природы – путь спасения. Будапешт: Будапешт, 1997. 150 с.
27. Шесталов Ю. Шаг через тысячелетия. М.: Политиздат, 1974. 94 с.

References

1. Berdyaev, N.A. (1994). *Philosophy of Creativity, Culture and Art*. vol. 2 (1). Moscow, Iskusstvo. 508 p. (In Russian).
2. Vernadskij, V.I. (2004). *The Biosphere and the Noosphere*. Moscow, Airis-press. 573 p. (In Russian).
3. Gacheva, A. (2019). *Russian cosmism in ideas and faces*. Moscow, Akademicheskij proekt. 431 p. (In Russian).
4. Dinislamova, S.S. (2017). Concerning the Mythological Issue in the Work of Y. Shestalov. *Bulletin of Ugric Studies*, 1 (28), 46–57. (In Russian).
5. Dinislamova, S.S. (2016). Mythological image of Misne in the works of Yuvan Shestalov. *Scientific research and development in the era of globalization*. Vol. 7 (6). Perm, AETERNA. Pp. 17–19. (In Russian).
6. Dinislamova, S.S. (2015). The Problem of Periodization of Yuvan Shestalov's work. *Philosophical Sciences and Culturology*, 2, 18–22. (In Russian).
7. Dinislamova, S.S. (2009). Religious and Philosophical Aspects of the Work of Yuvan Shestalov. *Bulletin of Yugorskiy State University*, 1 (12), 9–18. (In Russian).
8. Dinislamova, S.S. (2018). Philosophical Problematics of Yuvan Shestalov's works. *Bulletin of Ugric Studies*, vol. 8, 2, 249–258. (In Russian).
9. Ionin, G.N. (2003). Myth and the New Conception of Y. Shestalov. *Literature of the Peoples of the North: collection of scientific articles*. S. Petersburg, Russian State Pedagogical University named after A.I. Gertsen Publ. Pp. 20–24. (In Russian).
10. Larkovich, D.V. (2021). The motif of flight in the lyrics of Y. Shestalov. *Bulletin of Ugric Studies*, vol. 11, 3, 453–460. (In Russian).
11. Rombandeeva, E.I. (1993). *History of the Mansi People (Vogul) and their Spiritual Culture*. Surgut, Severnyj Dom. 116 p. (In Russian).
12. Semenov, A.N. (2021). Creativity and creator in the lyrics of Yuvan Shestalov. *Dinislamova, O.Y. (Ed.). II Shestalov readings*. Tyumen, FORMAT-72. Pp. 41–52. (In Russian).
13. Setniczkij, N.A. (2010). Exploitation. *Setniczkij, N.A. Selected Works*. Moscow, ROSSPEN. 736 p. (In Russian).
14. Solov'ev, V.S. (1988). The General Meaning of Art. *Soloviev, V.S. Works. 2 vols*. Moscow, My'sl'. 822 p. (In Russian).
15. Surgutskova, E.P. Shestalov Yuvan (Ivan) Nikolaevich (2004). *Volzhenina, S.Y. et al. (Ed.). Yugra writers: bibliographical index*. Ekaterinburg, Sokrat. 349 p. (In Russian).
16. Tejyar de Sharden P. (1992). Introduction to the Christian Life. *Tejyar de Sharden P. The Divine Environment*. Moscow, Renessans; S. Petersburg, IVO-SID. 311 p. (In Russian).
17. Fedorov, N.F. (1995). *Collected Works*. vol. 1. Moscow, Progress. 517 p. (In Russian).
18. Chepkasov, E.V. (2021). Literary shamanizing as a poetic genre and shaman-poets in the works of Y. N. Shestalov. *Dinislamova O.Y. (Ed.). II Shestalov readings*. Tyumen, FORMAT-72. Pp. 53–66. (In Russian).
19. Shestalov, Yu. (1961). *Misne*. Tyumen, Knizhnoe izdatel'stvo. 94 p. (In Russian).
20. Shestalov, Yu. (2007). The Winged Pastor's Revelation. *Yuvan Shestalov: Selected Works*. Moscow, Sovetskij pisatel. Pp. 17–108. (In Russian).
21. Shestalov, Yu.N. (1997–1999). *Collected Works*. S. Petersburg, Khanty-Mansijsk, Cosmic Consciousness Foundation (In Russian).
22. Shestalov, Yu.N. (1997). *Collected Works*. S. Petersburg, Khanty-Mansijsk, Cosmic Consciousness Foundation. Vol. 1. 478 p. (In Russian).
23. Shestalov, Yu.N. (1997). *Collected Works*. S. Petersburg, Khanty-Mansijsk, Cosmic Consciousness Foundation. Vol. 2. 528 p. (In Russian).
24. Shestalov, Yu.N. (1997). *Collected Works*. S. Petersburg, Khanty-Mansijsk, Cosmic Consciousness Foundation. Vol. 3. 528 p. (In Russian).

25. Shestalov, Yu.N. (1997). *Collected Works*. S. Petersburg, Khanty-Mansijsk, Cosmic Consciousness Foundation. Vol. 5. 560 p. (In Russian).
26. Shestalov, Yu. (1997) *Consciousness of Thorum, consciousness of nature – the way of salvation*. Budapest. 150 p. (In Russian).
27. Shestalov, Yu. (1974). *A Step Across the Millennia*. Moscow, Politizdat. 94 p. (In Russian).

***Статья поступила в редакцию 10.09.2022;
одобрена после рецензирования 30.09.2022;
принята к публикации 10.10.2022.***

***Received: Sept 10, 2022
Approved: Sept 30, 2022
Accepted: Oct 10, 2022***